

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В.А. Сергеев

ПОЛОВАЯ ПОЛЯРНОСТЬ КАК ОСНОВА МИРА

Аннотация. Автор статьи полагает, что ни в одной стране мира любовь не была лишена сакрального смысла. Об этом можно судить даже, опираясь на космогонические мифы. В них заключено глубочайшее психологическое содержание, которое во многих отношениях утрачено современной культурой. В частности, в античной культуре само любовное переживание выражалось рядом слов, которые впоследствии были забыты. Метафизика любви, по мнению автора, нашла интересное воплощение в работах Н.А. Бердяева. Русский философ пытается соединить христианское толкование любви с древнегреческим мифом об андрогине, который получил философскую разработку у Платона.

В статье используются методы философской антропологии. В отличие от рационалистического мышления философские антропологи нередко обращаются к толкованиям мифа, к озарениям интуиции и мистической духовной традиции. Кроме этого, автор применяет и методы исторического исследования, прослеживая тему любви на значительном культурно-историческом пространстве.

Новизна статьи определяется попыткой развить идеи Н.А. Бердяева, связанные с метафизикой пола и толкованием любви. С этой целью автор привлекает к анализу данного переживания и поэтические произведения, в которых отражены оттенки любовного чувства. В то же время в статье затронуты сюжеты, связанные с десакрализацией любви. В наши дни психиатры определяют любовь как болезненное переживание, по сути дела сводя его к клинической экспертизе. Но и сама реальность также характеризуется утратой сакральности в тончайших человеческих состояниях.

Ключевые слова: философия, философская антропология, любовь, метафизика пола, метафизика любви, Бердяев, десакрализация любви, андрогин, любовная поэзия, любовная философия.

*Только бы встречаться.
Только бы глядеть.
Молча сердцем петь.
Вздрыгнуть и признаться.
Вдруг поцеловаться.
Ближе быть, обняться.
Сном одним гореть
Двум в одно смешаться.
Без конца сливаться.
И не расставаться, –
Вместе умереть.*

(К. Бальмонт)

Как можно определить человека? Чем человек выделяется из природного царства? Множественность ответов на этот вопрос позволяет взглянуть на человека под разными углами. Человек создает культуру, самое ценное в культуре то, что выражено символом. Символ всегда указывает на нечто большее, лежащее за поверхностным смыслом, на множественность смыслов. При

первом приближении, наиболее нагруженными символами кажутся культовые обряды. Однако повседневная жизнь также изобилует символическим содержанием. Наиболее, наверно, символизирована область любовного переживания. Символика отношений полов встречается уже в ранних цивилизациях. Древнейшая из известных нам, шумерская культура, оставила пример сакральной символики половых отношений, первый, из найденных, ритуальный текст:

*В священном загоне-хлеву на женщину
истинный бык запрыгнул,
В доме рождений, в священном загоне-хлеву
на нее истинный бык запрыгнул,
Истинным семенем человеческим
оплодотворил он ее¹.*

¹ Цит. по: Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.-Л.: Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение, 2003. С. 53.

Отношения полов практически во всех культурах оказываются сакральными. Космогонические мифы древних культур представляют появление вселенной как акт рождения. Он неразрывно связан с физиологической жизнью пола. Древние ритуалы символически воспроизводили космогонические мифы, вскрывая симпатическую связь между миром богов и миром людей. Плодородие земли тесно связывалось с воспроизведением у людей. Дж. Фрейзер в «Золотой ветви» подробно исследовал этот вопрос.

Удивительно, что при подобной древности, развитой символической, философская рефлексия значительно уступает художественной, литературной и теологической разработкам темы. Кажется, до сих пор практически неприлично рассуждать о поле, хоть вопрос этот и стоит остро в любой эпохе. Сегодня, на этапе десакрализации половых отношений, максимальной оголённости интимной сферы жизни человека просто необходимо вспомнить то философское наследие о любви, которое мы имеем, хотя бы с тем, чтобы не прийти к тому миру будущего, который описал в «Паломничестве на Землю» Р. Шекли. Земля, исчерпав все свои природные ресурсы, стала вселенским поставщиком страстных переживаний, ставших на поток, воспроизводимых по заказу, потерявших экзистенцию. Герой Шекли ищет любовь, о которой смутно догадывается, слушая «записи любовных песен Земли». Любовь в этом мире тоже можно купить:

Наша продукция – не суррогат. Это именно то чувство, каким много тысячелетий бредят поэты и писатели. Благодаря чудесам современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше полное распоряжение, когда вам будет угодно, в красивой упаковке и притом по смехотворно низкой цене².

Пусть учёные и не изобрели способ искусственно вызывать любовь, современная культура предлагает устраивающий многих суррогат. Секс для современного человека обрел знак тождества по отношению к любви. Это проявляется и на уровне языка, чем и само понятие любви опошлилось. Общество, опирающееся исключительно на гедонистические установки, лишает человека глубоких переживаний, лишая его, тем самым, собственно человечности. Смысл символа уплощается, приближаясь к знаку, выражающему лишь низменный животный инстинкт.

² Шекли Р. Паломничество на Землю / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2013. С. 168.

В русской философии поиск глубокого смысла любви приводит к творческому наследию Н.А. Бердяева. Бердяев, восприняв классику философии, немецкую мистику, остался верным русскому по духу. Своеобразный философский синтез европейской мысли на русской почве, и потрясающая философская интуиция вывели Бердяева на заметное место в европейской философии и позволяют оставаться актуальным на сегодняшний день. В основе философии пола Бердяева прослеживается тесная связь с идеями Шопенгауэра, которые, однако, претерпевают новое осмысление. Так же, влияние на мысль философа оказали Платон (Диалог «Пир») и Вл. Соловьев (статья «Смысл любви»). Стоит оговориться, что отдельного цельного произведения, посвященного проблеме пола, Бердяев не создал. Мысли философа о поле и любви вплетены в рассуждения о вопросах, наиболее его занимавших – свободе и творчестве. Необходимо вычлняя любовную философию из основных работ Бердяева, нужно учитывать контекст, решающий неизбежно возникающие противоречия. Исходя из мысли о «литургической стройности» философии Бердяева, будем искать диалектику мысли философа.

Тема любви тесно связана с признанными основными направлениями философии Бердяева – свободой и творчеством. Творчество философ видит как основную задачу человека. Творчество является единственным истинным призванием человека, метафизической задачей. Творчество как продолжение творения мира, со-творение богу возможно лишь в доисторический период существования и в эсхатологическом веке. Перво-Адам потерял способность реального творчества в результате падения, которое сказалось на всем человеческом роде. Поистине трагичным результатом падения первого человека стало отделение от него природной, женской сущности. Здесь философ пробует соединить библейский нарратив о сотворении человека с платоновским мифом об андрогине.³ Распадение Антропоса на мужскую и женскую природу имело следствием желание соединения, взаимное влечение. Вот это стремление к восстановлению первоначальной целостности человеческой природы Бердяев и называет любовью.

³ Описание различных интерпретаций нарратива о сотворении человека в книге Берешит (Бытие) содержится в книге замечательного исследователя иудаики, профессора Даниэля Боярина. (Боярин Д. Израиль по плоти. М.: Книжники; Текст, 2012. С. 68-124).

Любовь в понимании философа есть творческий акт, преодолевающий природное бытие. Любовь способна открыть личность любимого, всю ее глубину любящему. Посредством любви человек способен прозреть свою андрогиническую суть. Новое соединение мужского и женского, восстановление андрогина должно совершиться в человеке посредством любви как творческого акта. Ссылаясь на Фр. Баадера, Бердяев утверждает восстановление андрогина в самом человеке⁴. Задача мужчины и женщины в любовном союзе заключается во взаимной помощи в восстановлении первоначальной природы человека. Человек по природе своей существо бисексуальное в том смысле, что включает в себе два пола сразу. «Человек погиб бы безвозвратно, если бы андрогинический образ в нем исчез окончательно»⁵. Здесь стоит упомянуть книгу О. Вейнингера «Пол и характер», положительно в целом оцененную Бердяевым. Вейninger рассматривает мужественность (М) и женственность (Ж) как абстрактные категории, отдельно от реального мужчины и женщины. Исходя из той посылки, что идеального мужчины, как и идеальной женщины природа не знает, а существуют лишь промежуточные типы, Вейninger представляет закон полового влечения по принципу взаимного дополнения. Это означает, что конкретному мужчине, обладающему М на три четверти и, соответственно, Ж на одну четверть идеально подходит женщина, обладающая соотношением М и Ж в обратной пропорции. Таким образом, идеальный союз мужчины и женщины будет выглядеть как союз идеального мужчины (М) и идеальной женщины (Ж), качественно дифференцированных внутри себя. Потому и Бердяев пишет: «Соединение полов – четырехчленно, а не двучленно, оно всегда есть сложное соединение мужского начала одного с женским началом другого и женского начала этого с мужским началом того. Тайственная жизнь андрогина осуществляется не в одном двуполом существе, а в четырехчленном соединении двух существ»⁶.

Некоторые исследователи находят данное утверждение Бердяева противоречивым, замечая, что андрогин по определению является существом, гармонично соединяющим мужское и женское на-

чала. Впрочем, проникнуть в суть мысли философа можно, взглянув под другим углом на сугубо механистическую теорию Вейнингера. Скажем, что каждый человек действительно содержит в себе мужское и женское начала. Но не дробные сами по себе, а полноценные. То, что Вейninger склонен делить на четверти и более, представим как уровень проявленности М и Ж в каждом конкретном человеке. В этом случае необходимо также внести некоторые коррективы и в теорию полового влечения. Вейninger в своей теории полового влечения единственно отталкивается от расхожей поговорки «противоположности притягиваются». Часто эмпирический опыт, на который ссылается философ, подтверждает релевантность данной мудрости. То же встречаем и у А. Шопенгауэра: «...самый мужественный мужчина будет искать самую женственную женщину, и наоборот, точно так же всякий индивидуум будет тяготеть к той степени половой определенности, которая соответствует его личным свойствам»⁷. Однако, ведь возможно и другое: «...может оказаться, что мужчина у всех на глазах женится на женщине, обладающей такой же, как и у него слабостью»⁸. Данное замечание Юнга дает некоторый повод усомниться в теории притяжения противоположностей, высказанной Вейningerом, как единственно верной⁹. Представляется, что половое притяжение являет собой гораздо более сложный процесс. Позволим себе, вслед за Юнгом предположить, что выбирая себе пару, мужчина проецирует «внутреннюю женщину» на потенциальную избранницу (женщина проецирует «внутреннего мужчину», соответственно). При этом видимые грани личности должны будут дополнять друг друга, а непроявленные – сливаться. Подобная картина соединения как раз и представляет слияние, в результате которого появляется действительно андрогиническая личность, т.е. состоящая из двух гармонично дополняющих друг друга мужского и женского начал, так как совокупность мужского в мужчине соответствует мужскому в женщине и совокупность женского в женщине идентично женскому в мужчине. Подобный ход мысли может объяснить и момент «вспышки», узнавания в случае любви «с первого взгляда».

⁷ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Пер. с нем. Ю. Айхенвальда. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 119.

⁸ Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного / Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Когито-Центр, 2013. С. 216.

⁹ Кроме того, можно было бы сослаться и на другую «вечную мудрость», гласящую: «два сапога пара» и прочее.

⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 195.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Там же. С. 223.

Тогда же становится просто понять то, что говорит Бердяев о раскрытии «тайны лица» и о субъективном отношении к личности любимого, что, по сути, есть одно и то же потому, что любящий действительно в себе находит любимого, потому и знает о нем «то, что весь мир не знает». «Ведь смысл любви (не родовой любви) в мистическом ощущении личности, в таинственном слиянии с другим, как своей родной полярной и вместе с тем тождественной индивидуальностью»¹⁰.

Стоит оговориться, было бы ошибкой воспринимать возможность статического существования каждой конкретной личности с заранее раз и навсегда закрепленным соотношением проявленности мужского и женского. Внешние и внутренние процессы, протекающие в личности, неизбежно вносят коррективы в данное соотношение. Отсюда возникает необходимость постоянно находить новый «баланс сил» не только внутри личности, но и в отношениях между любящими. Потому и не могут отношения даже глубоко любящих друг друга быть идеальными и безоблачными, нахождение равновесия необходимо требует времени. В теории Вейнингера, однако, подобного не должно происходить, хотя в жизни наблюдается повсеместно. Исходя из мысли о динамичности личности, можно сказать, что образ любимого всегда единственный, хотя и случайный. «Идеальная любовь» есть результат особого взаимовлияния в большей степени, чем результат некоего предопределения. Здесь имеется в виду, что любимый по отношению к любящему может выступать как противоположность, а может быть копией любящего, возникновение взаимного чувства возможно в обоих случаях. Гораздо важнее последующее развитие и гармонизация отношений в период проявления личности, открытия лица.

Под гармонизацией отношений следует понимать тот метафизический процесс, который Бердяев называет андрогиническим слиянием. Слияние двух личностей в одну возможно лишь посредством глубокого любовного чувства, в котором любимый субъект предстает не как объект, но субъект в отношении любящего. «Любовь, – пишет Бердяев, – космически соединяет в андрогиническом образе тех, кто были разорваны в порядке природном»¹¹. Здесь философ имеет в виду личное, субъективное чув-

ство, противоположное объективному, родовому началу. Противоположение личной и родовой любви соответствует различию между личностью и индивидом. Последний предстает объектом, одним из многих, отличающимся от других индивидуальным набором психофизических характеристик, детерминированным природой и социумом. Личность же свободна, личность есть творческий акт, личность не сводима к набору свойств и особенностей, личность есть микрокосм, включающий в себя и природное и социальное.

Любовь утверждает личность, но всегда трагична для индивида. Для творческого акта любви объектный мир есть необходимая жертва. Великие истории любви неизбежно трагичны в этом мире. Любви противостоят социальные условности, миропорядок в целом. Сама реальность, даже при условии социального признания любви двух (формального оформления брака), разрушает любовь благоустроенностью, повседневностью, бытом. В любви есть отрицание природного, родового, сексуального. Хорошо эта мысль выражена у С. Цвейга в стихотворении «Нежность»:

*Я первой нежности люблю возникновенье,
Когда еще мечты и чувства полускрыты.
Потом нам суждены лишь бурные мгновенья,
На жизненном пути они как версты врыты.*

*В ней дуновенье: двух кровей текущих разное,
Прикосновение, очей и рук игра.
Но уж поблескивают искорки соблазна
И разлетаются, как ночью у костра.*

*Тем и мила она, что детская забава,
Но скоро налетит любовный непокой.
Трепещет на ветру весенняя дубрава
И гнется под его безжалостной рукой»¹².*

Первое чувство, мгновение, немая вспышка – в смысле переживания бесконечно далеко отсюда до сексуального желания, природной необходимости. Однако в перспективе объектного мира это переживание действительно мгновенно, под «безжалостной рукой» оно тут же распадается в индивидуально-родовых устремлениях. Сохранить

¹⁰ Бердяев Н. Эрос и личность: Философия пола и любви. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 41.

¹¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания чело- века. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 221.

¹² Цвейг С. Собрание сочинений: в 10-и тт. Т. 10: Стихотворения; Исторические миниатюры; Публицистика; Кристина Хофленер: Роман из литературного наследия. М.: ТЕРРА, 1993. С. 8.

мгновение нежности, духовного чувства, вспышки метафизического узнавания от дифференцированного родового желания – значит сохранить любовь.

Любовь, несводимая к родовому необходимости, проиллюстрирована в истории отношениями рыцаря и Прекрасной Дамы и воспета трубадурами и миннезингерами. Бердяев пишет: «Романтическая, рыцарская любовь в потенции своей есть любовь личная и вселенская, и побеждает она родовое начало, враждебное личному и вселенскому»¹³. Зачастую рыцари сознательно выбирали заведомо недоступный объект любовного поклонения. Однако вассальные отношения между рыцарем и Дамой в куртуазной любви вовсе не исключают мотива плотского, физиологического слияния. О сексуальном вождении Прекрасной Дамы недвусмысленно намекают не только миннезингеры, вроде Вальтера фон дер Фогельвайде¹⁴, к примеру, но и ранние трубадуры вроде Гильема IX Аквитанского и Серкамона¹⁵. В куртуазной любви нет тоски по семейному счастью, тоски продолжения рода, в ней есть напряженная любовная страсть, некий болезненный экстаз, самоотречение во имя любви. Куртуазная любовь свободна потому, что выбор Дамы не обусловлен социально-родовыми интересами, скорее напрямую противостоит им. В ней находим воспевание свободной страсти, супружеской неверности в угоду любви.

Содержание интереса родового любви заключено в продолжении рода во времени. Это низменная, вульгарная Афродита в трактовке Бердяева. Теорию родового любви развивал А. Шопенгауэр. Любовь, по мысли Шопенгауэра, есть не более чем иллюзия. Иллюзия любви заставляет два половых существа стремиться друг ко другу, сливаться в половом акте и производить потомство. Как только конечная цель выполнена, иллюзия распадается. Любовь не возникает сама по себе. Мужское и женское сливаются лишь с конкретной целью продолжения рода. Род предстает неким сверх-человеческим, но природным образованием, а любовь – всего лишь иллюзией, необходимой для воплощения целей рода

в здоровом потомстве. Центральным событием родовой любви является рождающий половой акт. После реализации своих целей, род избавляет индивида от своего морака.

Бердяев отмечает, что в родовом половом акте личность человеческая теряется, «человек становится игрушкой гения рода»¹⁶. Падение Антропоса, распадение человеческой природы на мужскую и женскую составляющие, вызвало порабощение мужчины женской стихией, покорило природе. Поэтому сексуальный аспект отношений полов унизителен для человека. Свобода человека, равнозначная свободе Абсолюта, в сексуальном акте покоряется природой, животным инстинктом. Признавая за сексуальной энергией ту самую творческую энергию, необходимую для реализации проекта антроподицеи, Бердяев призывает направить ее от рождающего полового акта к реальному творчеству. «Наиболее рождающий – наименее творящий». Рождение потомства, продолжение себя во времени, служение целям рода, далеким от целей личности препятствует возможности восстановления андрогина, более того, губительно для личности. В родовой любви нет субъекта, по сути, оба действующих лица лишь объекты друг для друга. Объект родового любви легко заменяется более или менее подходящим. Исключительности лица любимого в ней не существует. Внешне подобный тип выливается в возможный фетишизм, половые перверсии.

Любовь есть экзистенциальный опыт. Однако в теперешнюю эпоху субъективный опыт остается все больше уделом всегда запоздалой философской рефлексии. Человек все больше уходит от позиции активного творца по направлению к пассивному наблюдателю и компилятору. Чем более технологичной и удобной становится жизнь, тем менее усилий приходится прикладывать для реализации себя. Мгновенное распространение и все большая доступность информации значительно облегчают, но и упрощают жизнь. Вместе с тем происходит подмена ключевых понятий. В информационном потоке нет места глубокому, нет возможности остановиться и оглядеться – тут же упустишь мейнстрим. Потому красота тождественна сексуальности, любовь – сексуальным отношениям, а грудные дети похожи на модный аксессуар – малышей таскают на вечеринки и на работу в специально созданных гаджетах, как несколько лет назад таскали карликовых собак.

¹³ Бердяев Н. Эрос и личность: Философия пола и любви. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 47.

¹⁴ См.: Вальтер фон дер Фогельвайде песня «Under der linden» // Русская планета: проект Филолог. (<http://www.russianplanet.ru/filolog/babylon/minnesinger/vogelweide.htm#diu> (дата обращения 01.08.14)).

¹⁵ См.: Русская планета: проект Филолог. (<http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm> (Дата обращения 01.08.2014)).

¹⁶ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 207.

Скука одолевает. Информационный поток разбивается на рукава-интересы и не дает скучать какое-то время, затем интересы можно сменить. Любовь один из таких интересов, способ справиться со все возрастающей скукой. Опыт живой любви подменяется информацией, почерпнутой из светской хроники, ТВ-сериалов, глянцевого журналов, четко и подробно описывающих как нужно любить. Искусство соблазнения стало самоцелью. Череда партнеров, слово крайне точное, вызывает лишь еще большую скуку и горькое разочарование, но не в себе, для этого следовало бы остановиться и оглядеть себя, но в других, в самой любви, наконец. Было бы наивным полагать происходящее свойственным исключительно современности:

*«Философия похоти!...» Нелли думает едко:
«Я в любви разуверилась, господин педагог...
О, когда бы на «Блерио» поместилась кушетка!
Интродукция – Гауптман, а финал – Поль де-Кок!»
(И. Северянин)*

Нынешний финал не предполагает начала. Гедонистическая установка, продуцируемая обществом потребления, влечет лишь к получению удовольствия в любви. То, что Шопенгауэр называл любовной иллюзией, из средства превратилось в единственное содержание.

Смертельная скука, ведущая к смерти. В повести «Посторонний» А. Камю метафизическая скука существования выписана предельно отчетливо. Мерсо не любит Мари и говорит ей об этом, на ее месте могла бы быть любая женщина при данных обстоятельствах. Герой не утруждает себя описанием Мари. Она вызывает в нем сексуальное желание – это практически все, что можно узнать о ней, это все, что он знает о ней. «Мне хотелось этой чудесной плоти, и, право, не знаю, на что еще, кроме этого, стоило надеяться»¹⁷. Камю вскрывает пустоту отношений полов, основанных лишь на удовлетворении плоти. Для прорыва к трансцендентному необходимо большее – принятие неизбежности общего приговора, смерти.

Между тем, интересно взглянуть на метафизическую основу полов. Для мужчины априорна женская нуминозность. От культа великой матери до ближайшего к нам времени, женщина занимала определенное место в мужском мире. Показатель-

на в этом смысле «Свобода, ведущая народ» Э. Де-Лакруа. Идеальная красота античной Венеры под красным якобинским колпаком с триколором ведет мужчин к последней цели, через трупы друзей и врагов к смерти. Стоит вспомнить библейские истории про Самсона, Давида, Соломона... «Амок» С. Цвейга демонстрирует демоническую власть женщины над мужским началом. В раннем творчестве Цвейга есть стихотворение, показывающее возможности существования мужчины в мире женском:

*Бывают дни – меня томит желанье
Огня и страсти, дикой красоты
Жен, алчных, словно алые цветы
Кровавых роз, чьи бурные лобзанья
Теснят, смутив поток моей мечты.
Но в глубине пустой мечты мятежной
Живет мечта иная – о простом
Спокойном счастье, тихом и святом.
Мне пел о нем далекий голос нежный
Давно, в сиянье детства золотом»¹⁸.*

Страсть к дикой красоте жен или тихое святое счастье – одно в другом. Но почему же розы кровавы и алчны, а вместе с ними и жены? Кровь издревле являлась символом жизни, любовь есть кипение крови, розы – один из символов любви как страсти. Все это лежит на поверхности. Однако алчность... Ведь не простое желание вызывает их алчность, некая метафизическая потребность отражена в этих строчках.

В женщине «слишком сильна темная природная стихия, безличная и бессознательная». Стихия эта, движимая стремлением к воссоединению с утерянной мужской стихией, в силу собственной бессознательности, всегда пытается поглотить целиком. Потому алчность жен метафизична, обусловлена каким-то гипертрофированным желанием вернуть утерянное. В природном мире цель женщины как можно лучше удерживать мужчину, в то время как цель мужчины заключается в сколь можно большем распространении себя. Все это есть у Шопенгауэра и современных психологов. Мужчина потому представляет активную, экстравертную направленность, в то время как женщина пассивна и направлена внутрь себя. Таким об-

¹⁷ Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. Падение: сборник / Пер. с фр. М.: АСТ, 2014. С. 63.

¹⁸ Цвейг С. Собрание сочинений: в 10-и тт. Т. 10: Стихотворения; Исторические миниатюры; Публицистика; Кристина Хофленер: Роман из литературного наследия. М.: ТЕРРА, 1993. С. 9.

разом, крайне схематично и условно, объясняется возникновение и доминирование патриархата. Однако, инвективы мужского шовинизма патриархального общества: «муж – голова, жена – шея, куда шея – туда и голова», показывают лучшую женскую приспособленность к миру. Часто, неявное, но принципиально доминирующее, влияние женщины в патриархальном обществе формировало мировую историю. Борьба полов за первенство велась долго и вовсе не прекратилась с формальной победой «сильного пола». События прошлого века вновь вывели женщину на арену. Однако борьба женщин за равные права с мужчинами перекочевала в исконно мужские сферы. Что женщина может сделать в математике или физике? Бердяев указывает на то, что высоко оцененные женские достижения на мужском поле есть средние для мужчины¹⁹. «Все эти девицы из зубоврачебных курсов» являют собой лишь отвратительную копию мужчины. В определенный момент кризис доминирования одного пола направил развитие другого не по тому руслу. Борьба за равенство вырождается в фарс, абсурд. Среди феминисток часто можно встретить тех, кто, отрицая все мужское как грубое, бездуховное, отвратительное и низкое, растят себя в открытой конфронтации, но являются при том лишь неорганичными мужиковатыми бабами. Кризис рода. Восприняв мужскую модель поведения, скопировав мужской способ жить, женщина добилась лишь потери себя, потери алчности, а значит, потери способности удерживать мужскую стихию. Природа, однако, требует равновесия.

Алчные жены несут не только животные желания, но соблазняют и тихим, святым счастьем семейного очага. Покой и уют способны даже сильнее привлечь мужчину. Однако семья, как не раз отмечалось, скорее экономически-общественное образование, чем духовное, ячейка общества. Прекрасные воспоминания, принесенные из детства, в реальности оборачиваются жесткой социальной и экономической детерминацией. Погружение с головой в необходимость содержать семью для мужчины оборачивается невозможностью посвятить себя целиком ни любимой, ни семье. Абсурдное положение. Прибавление достатка становится самоцелью. Потеря себя. С другой стороны, женщина через институт семьи видится исключительно однобоко – рождение и воспитание детей – есть

основная ее задача и призвание. Потому Бердяев и пишет, что «семья калечит личность»²⁰.

Единственная же истинная цель соединения мужчины и женщины – в андрогиническом слиянии. «В миропорядке мужское и есть по преимуществу антропологическое, человеческое начало, женское – начало природное, космическое»²¹. Такое соединение не имеет своей целью ни семью, как социальный институт, ни рождение детей, вообще ничего из того, что признается обществом. Соединение любящих есть тайна двух, не доступная для остальных. До XI века Европа не знала таинства брака, как строго кодифицированного ритуала – брак совершался двумя, свидетели отсутствовали. Развитие института брака все более углубляло проникновение общества в лице религии, в первую очередь, интересов рода, и даже политики в интимную сферу половых отношений.

Противоречия и противоположности – удел человека. Путь к гармонии, цельной личности пролегает не через устранение, а через примирение изначально существующих полярностей. Любовь есть средство гармоничного соединения полярных единиц. Любовь – равенство двух единиц одной целой. Тайна андрогина, о котором пишет Бердяев в «неслиянном и нераздельном» единстве двух. Единстве иррациональном, о котором нельзя помыслить логически. В этом ошибка Шопенгауэра, наблюдающего в любви лишь жизнь рода, половое влечение, и некоторых современных ученых, склонных объяснять сущность чувств вообще действием определенных гормонов. Нельзя, однако, отрицать воздействие допамина и окситоцина, это физиологический факт, но и объяснить все гормональным воздействием невозможно. Представляется необходимым оценивать и учитывать все факторы, воздействующие на человека.

Преодоление половой полярности, истинная любовь может рассматриваться лишь как динамическая структура. Но стоит избегать исключительно пессимистического взгляда. Сказки заканчиваются браком двух любящих сердец. Что ждет их после окончания сказки? Семейный быт, по замечанию Бердяева, способен не только охладить чувства, но и изуродовать личность. Однако любовь представляет возможность избегнуть этого жребия. Любимая женщина не перестанет быть загадкой и через

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 190.

много лет семейной жизни. Субъективное познание любящим любимого лица не может иметь предела, как нет предела в познании себя.

Физиологическая жизнь пола не обязательно животно-инстинктивна. Половые отношения, строящиеся на взаимной любви, желании подарить радость, удовольствие не могут потерять лицо. Личность пропадает, не имеет смысла в природно-объектном переживании. По замечанию Хармса «женщина – станок любви»²². При объективировании полового влечения, объект, действительно, легко заменяется. Но в индивидуализированной устремленности к любимому существу это просто невозможно. «Высшая точка соединения полов» вовсе не предшествует еще более глубокому ощущению раздельности. Каждое пережитое мгновение сближает и оставляет после себя ощущение близости

на физическом уровне, подкрепленное духовным единством.

Подведем итог. Любовь субъективная, личная примиряет в человеке присущие его бытию противоречия. Через любовь человек достигает цельности духовно-андрогинической. Устремления природно-родовые и духовные находят выход и диалектическое единство в любви. События последних десятилетий, обнажив интимную жизнь пола, решили ряд проблем, навязанных пуританским отношением к этой части жизни, но, подобно движению маятника, достигли противоположной точки. Решение проблемы пола найдется ровно посередине, но достижимо лишь для личности, общество само по себе есть продукт объективации, которому недоступны трансцендентальные решения.

Список литературы:

1. Бердяев Н. Эрос и личность: Философия пола и любви. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 224 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011. 668 с.
3. Боярин Д. Израиль по плоти. М.: Книжники; Текст, 2012. 560 с.
4. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека (К 80-летию проф. П.С. Гуревича). СПб.: Петроглиф, 2013. 428 с.
5. Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.-Л.: Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение, 2003. 320 с.
6. Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. Падение: сборник / Пер. с фр. М.: АСТ, 2014. 413 с.
7. Русская планета: проект Филолог. (<http://www.russianplanet.ru/filolog/> (дата обращения 01.08.14)).
8. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 336 с.
9. Цвейг С. Собрание сочинений: в 10-и тт. Т. 10: Стихотворения; Исторические миниатюры; Публицистика; Кристина Хофленер: Роман из литературного наследия. М.: ТЕРРА, 1993. 732 с.
10. Шекли Р. Паломничество на Землю / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2013. 992 с.
11. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви / Пер. с нем. Ю. Айхенвальда. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 224 с.
12. Эрос: Антология: Философские маргиналии проф. П.С. Гуревича. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 415 с.
13. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. Изд.-е 2-е / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013. 352 с.

References (transliteration):

1. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka. M.: AST: Astrel', 2011. 668 s.
2. Berdyayev N. Eros i lichnost': Filosofiya pola i lyubvi. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 224 s.
3. Boyarin D. Izrail' po ploti. M.: Knizhniki; Tekst, 2012. 560 s.
4. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka (K 80-letiyu prof. P.S. Gurevicha). SPb.: Petroglif, 2013. 428 s.
5. Emel'yanov V.V. Ritual v Drevnei Mesopotamii. SPb.-L.: Azbuka-Klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 320 s.
6. Kamyu A. Postoronniy. Mif o Sizife. Kaligula. Padenie: sbornik / Per. s fr. M.: AST, 2014. 413 s.
7. Russkaya planeta: proekt Filolog. (<http://www.russianplanet.ru/filolog/> (data obrashcheniya 01.08.14)).
8. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 336 s.
9. Tsveig S. Sbranie sochinenii: v 10-i tt. T. 10: Stikhotvoreniya; Istoricheskie miniatyury; Publitsistika; Kristina Khoflener: Roman iz literaturnogo naslediya. M.: TERRA, 1993. 732 s.
10. Shekli R. Palomnichestvo na Zemlyu / Per. s angl. M.: Eksmo, 2013. 992 s.
11. Shopengauer A. Metafizika polovoi lyubvi / Per. s nem. Yu. Aikhenal'da. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2013. 224 s.
12. Eros: Antologiya: Filosofskie marginalii prof. P.S. Gurevicha. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 415 s.
13. Yung K.G. Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo. Izd. 2-e. / Per. s angl. M.: Kogito-Tsentri, 2013. 352 s.

²² Хармс Д. Лекция. – Электронная библиотека Грамотей. (http://www.gramotey.com/?open_file=1269105591 (дата обращения 15.08.2014)).